

ПЕРМСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

6 Сентября. № 18. 1867 года.

Выходятъ еженедѣльно. Цѣна за годъ 5 руб., за 8 мѣсяц. сего года 3 руб. 35 коп.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Высочайшій Рескриптъ, данный на имя преосвященнаго митрополита московскаго Филарета. Указъ святѣйшаго Синода. О пожертвованіяхъ для Воскресной школы при Семинаріи. Перемѣны по службѣ лицъ епархіальнаго вѣдомства. О служеніяхъ Его Высокопреосвященства.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Высочайшій Рескриптъ,

данный на имя преосвященнаго митрополита московскаго Филарета.

Преосвященный митрополитъ московскій Филаретъ!

Нынѣ исполнилось пятидесятилѣтіе доблестнаго служенія вашего въ архіерейскомъ санѣ. Высокія дарованія, замѣчательные ученые труды, неустанная дѣятельность на благо духовнаго просвѣщенія и строгое христіанское благочестіе открыли вамъ путь къ высшему іерархическому поприщу, на которомъ, въ теченіи истекшихъ 50-ти лѣтъ вы стяжали имя архипастыря мудраго, ревностно и твердо правящаго слово истины, и неутомимо попечительнаго о пользахъ и нуждахъ православной Церкви. Вся жизнь ваша преисполнена неисчислимыхъ заслугъ не только каеэдрамъ, преемственно вамъ ввѣреннымъ, но и для всего православія. Епархіальное служеніе ваше ознаменовано непрерывнымъ рядомъ заботъ о духовномъ преуссѣяніи паствъ, о развитіи и преумноженіи благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій, о насажденіи и утверженіи единовѣрія, о благоустройствѣ духовно-учебныхъ заведеній епархіи, не престающихъ получать

отъ вашей щедрости обильныя средства къ возвышенію своего быта, и воспитавшихъ, подъ вашимъ бдительнымъ руководствомъ, многихъ достойныхъ пастырей и іерарховъ святой нашей Церкви. Многочисленныя пастырскія писанія ваши, заключающія въ себѣ неисчерпаемый источникъ назиданія и поученія для православныхъ, служатъ лучшимъ руководствомъ при изученіи предметовъ вѣры для многихъ уже поколѣній русскаго православнаго юношества; въ то же время они перелагаются на чужеземныя языки для научнаго и общественнаго употребленія въ другихъ странахъ, и въ нихъ принимаются съ уваженіемъ. Глубокая опытность ваша въ дѣлахъ высшаго церковнаго управленія содѣлала необходимымъ и драгоцѣннымъ ваше слово, совѣтъ и постоянное, въ продолженіе многихъ десятковъ лѣтъ, участіе ваше въ обсужденіи всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ вопросовъ и мѣръ по духовному вѣдомству. Ваша пастырская попечительность о высшихъ интересахъ православія и живое вниманіе къ судьбамъ православнаго міра простираются далеко за предѣлы отечества и въ особенности на Востокахъ, приобрѣтая вашему имени почетную извѣстность.

Въ искреннемъ, душевномъ уваженіи къ вашему великому пастырскому заслугамъ, признавая справедливымъ почтить въ васъ, преосвященный владыко, старѣйшаго, заслуженнѣйшаго и именитѣйшаго святителя православной Церкви, Всемилостивѣйше предоставляю вамъ право, по кievскому обычаю, предношенія креста въ священно-служеніи, ношенія креста на митрѣ и двухъ нагагій на персяхъ; одну изъ нихъ, особенно изготовленную для васъ и украшенную драгоцѣнными камнями, на брилліантовой цѣпочкѣ, Всемилостивѣйше жалую вамъ для ношенія по установленію. Вмѣстѣ съ симъ въ память незабвеннаго служенія вашего при Императорахъ Александрѣ I, Николаѣ I и въ Мое Царствованіе, и въ вознагражденіе вашихъ заслугъ государственныхъ препровождаю къ вамъ настольныя изображенія сихъ государей и Мое, соединенныя вмѣстѣ и осыпанныя брилліантами.

Молю Бога, да сохранитъ Онъ святыя дни вашей плодотворной жизни еще на долго, на пользу и славу отечественной Церкви. Я увѣренъ, что объ этомъ же будутъ вознесены теплыя молитвы и по всей Россіи, благодарно чтущей вашу святую жизнь и великія дѣянія.

Пребываю къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ.“

5 августа 1867 года.

Въ Ливадіи.

Указъ св. Синода, отъ 6 июля 1867 года, за № 28, по вопросу о порядкѣ примѣненія изгнанныхъ въ циркулярномъ указѣ св. Синода, отъ 31 декабря 1849 года, Высочайшаго повелѣнія относительно помѣщенія въ монастыри всѣхъ лишаемыхъ сана.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали докладъ Синодальной канцеляріи, слѣдующаго содержания: циркулярнымъ указомъ святѣйшаго Синода, отъ 31 декабря 1849 года, дано знать по духовному вѣдомству о послѣдовавшемъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи: „всѣхъ лишаемыхъ духовнаго сана (кроме подвергшихся уголовному суду) помѣщать, по назначенію святѣйшаго Синода, въ монастыри для преподанія имъ средствъ восчувствовать свою вину при духовныхъ увѣщаніяхъ, а потомъ уже передавать ихъ въ гражданское вѣдомство для поступленія съ ними на основаніи существующихъ о семъ правилъ, исключая тѣхъ лицъ, кои, по чистосердечномъ раскаяніи, признано было бы возможнымъ оставить въ духовномъ вѣдомствѣ и опредѣлить въ причетническія должности при монастыряхъ и церквяхъ, или употребить въ званіе послушниковъ или на монастырскія услуги,“ при чемъ въ томъ же указѣ святѣйшаго Синода, въ руководство къ точному и непремѣнному исполненію означенной Высочайшей воли, преподаны всѣмъ подвѣдомственнымъ святѣйшему Синоду мѣстамъ и лицамъ слѣдующія правила: „а) при постановленіи окончательныхъ приговоровъ о лишеніи кого либо изъ священнослужителей сана, назначать для помѣщенія ихъ монастыри своего вѣдомства болѣе строгіе и уединенныя, опредѣляя и сроки для пребыванія ихъ тамъ, смотря по степени нравственнаго состоянія осуждаемыхъ; б) настоятелямъ монастырей поставить въ обязанность: имѣть за такими людьми неунынное наблюденіе, строго слѣдовать за всѣми ихъ дѣйствіями и употреблять къ исправленію ихъ приличныя увѣщанія въ духѣ кротости и любви христіанской, побуждая ихъ быть притомъ, сколько возможно, чаще при церковныхъ богослуженіяхъ, а въ свободное время заниматься или чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ, или монастырскими трудами; о плодахъ же исправленія ихъ, или противномъ тому, доносить епархіальнымъ преосвященнымъ по истеченіи каждой трети года со всевозможною подробностію; в) съ окончаніемъ сроковъ, назначенныхъ для пребыванія означенныхъ людей въ монастыряхъ, епархіальнымъ начальствамъ раз-

сма­тривать внима­тельно до­несения объ нихъ настоя­телей и опре­дѣлять по онымъ или остав­ление исправившихся въ духовномъ вѣдомствѣ, съ назначе­немъ имъ, на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія, низшихъ служеб­ныхъ должностей, или совершенное исключе­ние неисправимыхъ изъ сего вѣдомства, съ передачею ихъ въ распоряженіе гражданскаго начальства; г) о всѣхъ та­ковыхъ рѣшеніяхъ и распоряженіяхъ епархіальныхъ начальствъ, которыя бу­дутъ заключать въ себѣ приговоры о лишеніи священнослужителей сана ихъ и о помѣщеніи ихъ въ монастыри, доводить, по прежнему порядку, до свѣдѣнія святѣйшаго Синода, не лишая права апелляціи на сіи рѣшенія тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ оставаться оными не довольны и въ установлен­ный срокъ подадутъ отъ себя неудовольственный отзывъ“. Изъ производящихся же въ епархіальныхъ управленіяхъ дѣлъ, доходящихъ до святѣйшаго Синода, усма­тривается, что изъясненное въ упомянутомъ циркулярномъ указѣ святѣйшаго Синода, отъ 31 декабря 1849 года, Высочайшее повелѣніе о помѣщеніи всѣхъ лишаемыхъ священнаго сана въ монастыри, для преподанія имъ средствъ восчувствовать свою вину при духовныхъ увѣщаніяхъ, не всѣми епархіальными начальствами исполняется однообразно при постановленіи опредѣленій о лишеніи священнослужителей ихъ сана. Такъ нѣкоторыя епархіальныя начальства, при разсмотрѣніи дѣлъ о священно­служителяхъ, подлежащихъ собственному суду духовному, примѣняютъ силу сего Высочайшаго повелѣнія лишь къ тѣмъ изъ священнослужителей, преступ­ленія коихъ влекутъ за собою для нихъ, на основаніи церковныхъ поста­новленій и другихъ дѣйствующихъ по вѣдомству православнаго исповѣданія узаконеній, лишеніе сана съ *исключеніемъ изъ духовнаго вѣдомства*, дру­гія же епархіальныя начальства даютъ сему Высочайшему повелѣнію болѣе обширное значеніе, распространяя силу онаго на всѣхъ вообще священнослу­жителей, лишаемыхъ сана, не исключая такимъ образомъ изъ сего числа и такихъ, для коихъ изверженіе изъ сана за ихъ поступки должно быть сое­динено, на основаніи тѣхъ же узаконеній, не съ исключеніемъ изъ духовнаго вѣ­домства, а съ *оставленіемъ въ семъ послѣднемъ на низшихъ должно­стяхъ*. И, по справкѣ, прика­зали: Различное примѣненіе епархіальными начальствами изображеннаго въ циркулярномъ указѣ святѣйшаго Синода, отъ 31 декабря 1849 года, Высочайшаго повелѣнія о помѣщеніи всѣхъ лишае­мыхъ священнаго сана въ монастыри (кроме подвергшихся уголовному суду), для преподанія имъ средствъ восчувствовать свою вину, при духовныхъ увѣ­щаніяхъ, приводитъ къ необходимости уясненія, при постановленіи духовнымъ судомъ какихъ именно опредѣленій, касающихся священнослужителей, подле­жащихъ лишенію священнаго сана, означенное Высочайшее повелѣніе не мо­

жеть имѣть примѣненія. Въ этомъ отношеніи оказывается: 1) когда священнослужители присуждаются духовнымъ судомъ къ лишенію священнаго сана и исключенію изъ духовнаго званія въ послѣдствіе состоявшихся о сихъ лицахъ приговоровъ уголовныхъ присутственныхъ мѣстъ; то такіе священнослужители, по буквальному смыслу употребленнаго въ вышеозначенномъ Высочайшемъ повелѣніи выраженія: „всѣхъ лишаемыхъ сана, кромѣ подвергшихся уголовному суду,“ подлежатъ лишенію сана и исключенію изъ духовнаго званія безъ предварительнаго принятія въ отношеніи къ нимъ указанной въ приведенномъ Высочайшемъ повелѣніи мѣры; 2) когда при разсмотрѣніи въ духовномъ судѣ дѣлъ о священнослужителяхъ, подлежащихъ за свои дѣянія собственнo сему суду, лица эти избличаются въ учиненіи поступковъ, по самому свойству своему дѣлающихъ ихъ нетерпимыми въ духовномъ званіи, каковы на примѣръ поступки, указанные въ апост. прав. 25 и др., и въ слѣдствіе сего духовнымъ судомъ, на основаніи церковныхъ правилъ, будутъ постановлены опредѣленія о лишеніи означенныхъ лицъ священнаго сана съ исключеніемъ ихъ изъ духовнаго званія, то таковыя опредѣленія судимымъ въ изъясненной въ циркулярномъ указѣ святѣйшаго Синода, отъ 31 декабря 1849 года мѣры, и наконецъ 3) когда священнослужители избличаются въ подлежащихъ также разсмотрѣнію суда духовнаго поступкахъ, подвергающихъ ихъ, на основаніи церковныхъ постановленій и другихъ дѣйствующихъ по вѣдомству православнаго исповѣданія узаконеній, лишенію сана съ низведеніемъ въ причетника, то при постановленіи духовнымъ судомъ по симъ предметамъ опредѣленій, и къ симъ послѣднимъ Высочайшее повелѣніе о помѣщеніи всѣхъ лишаемыхъ священнаго сана въ монастыри не имѣетъ примѣненія, такъ какъ распространеніе на подобные случаи силы означеннаго Высочайшаго повелѣнія обратилось бы въ явное нарушеніе общаго церковнаго правила: „не отмстиши дважды за едино“. (Пр. Наум. 1, 9.), для лица, подлежащаго низведенію въ причетники, въ усугубленіе мѣры взысканія, положеннаго въ законѣ за совершенное имъ преступленіе, подвергая это лице, предварительно опредѣленія его на причетническую должность, еще монастырскому въ теченіе опредѣленнаго времени заключенію. По симъ соображеніямъ, признавая, что при постановленіи духовнымъ судомъ въ поименованныхъ случаяхъ опредѣленій о священнослужителяхъ, подлежащихъ лишенію сана, духовному суду надлежитъ приводить сіи опредѣленія въ исполненіе безъ примѣненія къ нимъ изъясненной въ циркулярномъ указѣ святѣйшаго Синода, отъ 31 декабря 1849 года, Высочайшей воли о помѣщеніи лишаемыхъ сана въ монастыри, святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: дать знать о семъ къ надлежащему, въ по-

требныхъ случаяхъ, руководству и исполненію, по духовному вѣдомству печатными циркулярными указами.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

При отношеніи благочиннаго, соликамскаго уѣзда 2-го округа, священника Евтихія Старцова, отъ 25 іюля сего 1867 года за № 443, получено въ семинарскомъ правленіи 11 р. 2 коп., собранныхъ означеннымъ благочиннымъ отъ причтовъ церкви ввѣреннаго ему округа въ пользу воскресной школы; о. ректоръ семинаріи, архимандритъ Александръ запискою заявилъ Правленію, что священникъ Дмитріевскаго села, соликамскаго уѣзда, Іаковъ Пономаревъ пожертвовалъ въ пользу воскресной школы 3 р. сер. Посему семинарское Правленіе журнальнымъ своимъ опредѣленіемъ отъ 21 августа № 1437, между прочимъ постановило: жертвователямъ—причтамъ 2-го округа благочинія соликамскаго уѣзда и Дмитріевскаго села священнику Іакову Пономареву объявить чрезъ мѣстные Епархіальныя Вѣдомости благодарность семинарскаго Правленія. На что Его Высокопреосвященство изъявилъ свое согласіе.

Перемѣны по службѣ лицъ епархіальнаго вѣдомства.

Перемѣщены: діаконъ: верхотурскаго уѣзда Верхнебаранчинскаго завода Иоанно-Зачатіевской церкви *Петръ Задоринъ* и кунгурскаго уѣзда Кыновскаго завода Троицкой церкви *Арсеній Покровскій* одинъ на мѣсто другаго; пономари: ирбитскаго уѣзда Байкаловскаго села Покровской церкви *Александръ Кузнецовъ* и камышовскаго уѣзда Завьяловскаго села Вознесенской церкви *Павелъ Ѳедоровъ* одинъ на мѣсто другаго.

Опредѣленъ исключенный ученикъ изъ средняго отдѣленія Пермской духовной семинаріи *Николай Дергачевъ* къ исправленію пономарской должности къ градо-чердынской Преображенской церкви.

25-го сего августа наканунѣ праздника коронованія и священнаго миропомазанія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича и Ея Императорскаго Величества Благочестивѣйшей Государыни

Императрицы Марии Александровны Его Высокопреосвященство всеночное бдѣніе совершалъ въ крестовой Св. Митрофана церкви въ сослуженіи крестовой братіи и эконома семинаріи священника Иполита Словцова; въ самый же праздникъ 26 числа Божественную литургію совершалъ въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи о. ректора семинаріи архимандрита Александра, соборной братіи и эконома семинаріи священника Иполита Словцова, а благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ въ сослуженіи всего градскаго духовенства. Проповѣдь говорилъ о. ректоръ семинаріи архимандритъ Александръ. 27 августа въ воскресенье Его Высокопреосвященство Божественную литургію совершалъ въ кафедральномъ соборѣ въ сослуженіи братіи собора.

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе Высочайшаго повелѣнія. Съѣздъ Пермскаго епархіальнаго духовенства для выбора членовъ въ семинарское Правленіе. Резолюція Его Высокопреосвященства на прошеніи учителя Консова. Перемѣны по службе лицъ епархіальнаго духовенства. О служеніяхъ Его Высокопреосвященства. Отъ редаціи.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

Высочайшее повелѣніе.

Господице Суходольный Оберъ-Прокуроръ отъ 3 Іюля объявляетъ съудинскому Суходу для завѣдомаго распоряженія, что Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше повелѣть, называть въ С. Петербургъ преосвященнаго Арсенія, митрополита кіевскаго, для присутствованія въ олатѣномъ Суходѣ, въ продолженіи зимнихъ мѣсяцевъ.

Съѣздъ Пермскаго епархіальнаго духовенства для выбора членовъ въ семинарское Правленіе.

Вѣдѣніе распоряженія Консисторіи къ 1-му числу сентября объявлено въ Пермь вызваніемъ изъ епархіи оо. благочинныхъ и священниковъ для выбора членовъ отъ духовенства во вновь образуемое семинарское правленіе. На будущій этотъ для Его Высокопреосвященства дала Консисторіа слѣдующее предложеніе:

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Содержаніе: Слово въ день коронованія и священнѣйшаго муропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Исторія Пермской семинаріи до ея преобразованія, бывшаго въ 1818 году (продолженіе). Тайнственный міръ (очерки). Избраніе священнослужителей въ 1-мъ округѣ соликамскаго уѣзда для присутствованія въ Соликамскомъ училищномъ съѣздѣ. Разныя извѣстія.

С Л О В О

въ день коронованія и священнѣйшаго муропомазанія Его Императорскаго Величества, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича, Самодержца Всероссійскаго и Супруги Его Ея Величества, Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Маріи Александровны (*).

Вся, елика аще хотите да творятъ вамъ чловѣцы, тако и вы творите имъ. (Матѣ. 7, 12).

Вотъ, братіе, евангельское правило, опредѣляющее самыя естественныя и справедливыя отношенія каждаго христіанина къ своему ближнему. Эти отношенія должны быть истинно-христіанскія, братскія, въ каждомъ христіанскомъ государствѣ, особенно въ такомъ, какъ наша православная Россія, Глава коей—Помазанникъ Божій, надъ Которымъ *носятся Духъ Божій* (1 Цар. 16, 13) и чрезъ Котораго тѣмъ самымъ освящается вся гражданственность и народность нашего Богохранимаго отечества. Посему все сыны и дщери его должны вточности сообразовать свои взаимныя отношенія съ волею Божіею, дѣйствующею и управляющею имъ чрезъ своего Помазанника—Царя, и руководиться тѣмъ обще-человѣческимъ правиломъ, какое указано въ Евангеліи самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. Ибо въ такомъ только случаѣ отношенія эти будутъ правильны, законны и благотворны, когда каждый изъ насъ постоянно и неизмѣнно будетъ держаться сего богоданнаго правила: *Вся, елика аще хо-*

(*) Говорено въ кафедральномъ соборѣ 26 августа 1867 года.

щете да творятъ вамъ чловѣцы, тако и вы творите имъ. Какъ бы дополненіемъ къ сему служить еще слѣдующая подобная заповѣдь Спасителя: *Возлюбими искренняго или ближняго твоего яко самъ себе* (Матѳ. 22, 39). Въ обѣихъ этихъ заповѣдяхъ заключается одна главная и существенная мысль: каждый христіанинъ правильность и благотворность своихъ отношеній къ другимъ долженъ провѣрять, по закону совѣсти и при свѣтѣ слова Божія, на себѣ самомъ. Пусть каждый изъ насъ въ такомъ случаѣ ни на минуту не упускаетъ изъ виду слѣдующее правило: чего желаешь и ожидаешь самому себѣ отъ другихъ во вѣсхъ взаимныхъ отношеніяхъ и связяхъ, того желай и то исполняй и въ отношеніи къ нимъ, и наоборотъ: чего не желаешь себѣ, не желай и не дѣлай того и другому, — *еже ненавидиши, да ни кому же твориши*, учитъ слово Божіе (Тов. 4, 15); если любишь себя (а какъ не любить себя?) и непріятно тебѣ замѣчать ненависть и злобу къ себѣ въ другомъ, то пусть твоя любовь къ себѣ служить для тебя справедливою мѣрою любви къ ближнему твоему. — О, если-бы это правило каждымъ изъ насъ постоянно исполнялось! тогда на землѣ былъ бы рай, — прочно водворилось бы на ней мирное, тихое и безмятежное житіе *во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2). Но, увы, далеко не то бываетъ на самомъ дѣлѣ! Зависть, ненависть, вражда, непримиримыя ссоры, обиды, клеветы, козни и коварства, убійства и тому подобныя исчадія исконнаго чловѣкоубійцы — діавола не перестаютъ существовать и даже господствовать въ мірѣ христіанскомъ. Отчего же это? По видимому, такъ легко и удобно удерживаться отъ зла и творить благо ближнему: стоитъ только перенести на личность другого то, что въ себѣ самомъ сознаешь и испытываешь при извѣстныхъ случаяхъ и обстоятельствахъ, и на свою собственную личность — то, что замышляешь противъ другаго, — и тотчасъ поймешь, что какъ ты самъ несправедливо поступаешь, если вредишь другому, такъ и другой худо дѣлаетъ, если вредитъ тебѣ... Отчего же противное бываетъ въ жизни? Многіе и многіе ни мало не задумываясь вредятъ благу и добруму имени своихъ ближнихъ и словомъ и дѣломъ. Вникнемъ въ главные причины этого мрачнаго явленія въ свѣтломъ царствѣ Христовомъ.

1) Еще въ древности лучшіе изъ языческихъ мыслителей сознавали важность самопознанія и въ умственномъ и въ нравственномъ и въ житейскомъ отношеніяхъ; и тогда еще благонамѣренные люди науки и житейской мудрости находили нужнымъ постоянно напоминать ищущимъ знанія многозначительное изрѣченіе: „познай себя“. Тѣмъ паче это изрѣченіе имѣетъ мѣсто, въ самомъ глубокомъ своемъ смыслѣ, въ Христіанствѣ. И слово Божіе внушаетъ каждо-

му изъ насъ: *Внемли себѣ* (Втор. 15, 9). А кто дѣйствительно внимателенъ къ себѣ, кто познаетъ себя при свѣтѣ Божественнаго Откровенія и подъ руководствомъ матери своей—Церкви, тотъ ясно усматриваетъ въ себѣ образъ Божій, по которому сотворенъ человѣкъ, и находитъ въ немъ высшее свое достоинство. Достоительно уважая и любя въ себѣ этотъ образъ, какъ лучшее свое украшеніе, онъ уважаетъ и любитъ его и въ другихъ, и питаетъ въ душѣ своей такую любовь, которая не только не дѣлаетъ, но и не мыслить ближнему зла (Рим. 13, 10; 1 Кор. 13, 5). Съ такою любовію христіанинъ и „гонителей своихъ благословляетъ, а не проклинаетъ; радуется съ радующимися и плачетъ съ плачущими, *промышляетъ добрая предъ всеми чловѣки*; онъ, по возможности, живетъ въ мирѣ со всеми людьми, всегда побуждая зло добромъ“ (Рим. 12, 14, 15, 17, 18, 21).

Совсѣмъ не такъ думаетъ, живетъ и дѣйствуетъ тотъ, кто не имѣетъ надлежащаго, истиннаго познанія о себѣ самомъ, ни какъ о человѣкѣ, ни какъ о христіанинѣ. Онъ по отношенію къ душѣ своей тоже, что случайный гость въ чужомъ, незнакомомъ домѣ... Своя душа для него — потемки... И потому, не зная какое сокровище (т. е. образъ Божій) носитъ въ душѣ своей, онъ не примѣчаетъ его и въ другомъ — братѣ своемъ по Христу; не сознавая и не научившись уважать въ себѣ самомъ истинно-человѣческаго достоинства, онъ не можетъ признавать и уважать его и въ другихъ, и потому если не злоредно, то равнодушно и безучастно относится къ благу своего ближняго. Подобный человѣкъ, легко увлекаемый потокомъ времени куда-то, — въ неизвѣстную ему даль, руководимый по преимуществу животнымъ чувствомъ самосохраненія, живетъ какъ живетъ по случайнымъ обстоятельствамъ, безъ разумаго сознанія и пониманія обязанностей и правъ человѣческихъ. А все это зависитъ отъ чего? Отъ того, что въ людяхъ подобнаго рода нѣтъ разумно-религіозныхъ убѣжденій и твердыхъ нравственныхъ правилъ, нѣтъ того, изъ чего образуется твердый, устойчивый, добрый и истинно-христіанскій характеръ, который *долготерпитъ, милосердствуетъ, не превозносится, не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своихъ си, не раздражается, не радуется о неправдѣ, радуется же о истинѣ, вся любитъ, вся уповаеъ, вся терпитъ* (1 Кор. 13, 4—7). Въ такомъ случаѣ человѣкъ и самъ хорошо не знаетъ, чего себѣ желаетъ и чего стремится достигнуть — добра или зла; не углубляясь вниманіемъ въ себя и свои обязанности, онъ и не думаетъ давать себѣ безпристрастный и строгій отчетъ въ своихъ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ. Отсюда можно понять, въ какія отношенія становится къ другимъ подобный, нравственно-разслабленный, человѣкъ. Чуждый добрыхъ убѣжденій и твердыхъ

правиль нравственности, не привыкшіи вдумываться въ обязанности къ себѣ и другимъ людямъ и по достоинству оцѣнивать ихъ и осуществлять въ жизни, онѣ привыкають относиться къ своему ближнему большею частію по требованіямъ и влеченіямъ слѣпыхъ инстинктовъ своей животной природы, безъ всякаго разбора средствъ и цѣлей. — Правда, люди подобнаго рода способны бывають очень много и даже краснорѣчиво толковать о челоуѣколюбіи и уваженіи къ личнымъ правамъ и обязанностямъ, но на дѣлѣ слова ихъ очень мало осуществляются. Въ самой жизни у нихъ постоянно встрѣчается разладъ мыслей съ словами и словъ съ дѣломъ. Такъ, напримѣръ, въ глаза ближнему говорятъ одно, по видимому благожелательное, а за глаза и говорятъ и дѣлають совсѣмъ другое... Говорять много о чести, о честности, о святости долга и т. под., а на самомъ дѣлѣ не задумаются, какъ нельзя больше, унижить себя, предъ кѣмъ найдуть нужнымъ и выгоднымъ, рабскою лестію и тому подобными, не-почетными видами челоуѣкоугодія, да и не пощаждать при случаѣ чести другаго, изъ удовольствія — поизощрить на его добромъ имени невоздержный и клеветливый языкъ, — это, по слову Божию, огонь, *прикрасу неправды и смертоносный ядъ* (Іак. 3, 6—8). Даютъ кому либо честное слово и, забывая совѣсть, обманываютъ и мало по малу привыкають къ обману, какъ къ дѣлу обыкновенному, не вызывающему даже краски на лицо... Разсуждаютъ о правѣ и неприкосновенности всякой собственности, а представсь случай, — не упустятъ его, чтобы воспользоваться чужою собственностію, особенно когда можно сдѣлать это безнаказанно. Довольно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть какъ подобные люди легко и равнодушно могутъ нарушать самыя священныя свои обязанности въ отношеніи къ другимъ. Да, челоуѣкъ безъ твердыхъ и добрыхъ убѣжденій и правилъ „съ двоящимися мыслями“, по слову Божию, не *устроенъ* — не твердъ *во всѣхъ путехъ своихъ* (Іак. 1, 8). А такой челоуѣкъ, очевидно, не можетъ быть ни устойчиво честнымъ, ни истинно-полезнымъ и благонадежнымъ членомъ общества и государства.

2) Но есть другаго рода люди, которые извращають свои естественныя и должныя отношенія къ ближнимъ по другой причинѣ, именно — по развращенному и огрубѣвшему своему сердцу. Это — безсердечные себялюбцы, которые руководятся въ своей жизни такимъ правиломъ своеобразной, порожденной корыстію, житейской мудрости: „мнѣ было бы хорошо на свѣтѣ, а до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ!“ Такимъ образомъ у нихъ вырабатываются и слагаются своего рода убѣжденія и правила жизни. Но каковы эти убѣжденія и правила? Такія, конечно, какія можетъ произвести только жесткое и развращенное сердце. Хорошимъ они считаютъ только то, что кажется имъ по-

лезнымъ. Полезный и хорошій человекъ въ ихъ глазахъ только тотъ, кто имъ нуженъ, — съ нужнымъ человекѣмъ“ всячески стараются не расходиться. Личная польза и выгода составляютъ для такихъ людей кумиръ, которѣму они весьма усердно поклоняются. Не ожидается отъ извѣстнаго человекѣ пользы и выгоды, разсуждаютъ они, — дальше отъ него! Онъ не нуженъ! На него не стоитъ обращать вниманія! Относительно его личности можно позволять себѣ и говорить и дѣлать все, ничѣмъ не стѣняясь!!

Люди этого рода достоинство человекѣ ставятъ въ чѣмъ? Въ умѣньи хорошо, то есть, съ возможными удобствами, прилично и независимо жить, и — только! Злонамѣренно разстроить благосостояніе ближняго и потомъ сказать: „онъ не умѣлъ поддержать своего достоинства, своего общественнаго положенія, словомъ — не умѣлъ жить“, — сдѣлать и сказать это для подобныхъ людей ничего не значить! — Честъ у нихъ состоитъ въ богатствѣ, въ знакахъ отличія и т. под. Честность соблюдается ими только на показъ, для виду, для общественаго приличія, чтобы не уронить себя въ глазахъ общества. Но обмануть своего ближняго съ особенною ловкостію и опытностію, незамѣтно для другихъ, — опять ничего не значить для нихъ! Ложь и клевету противъ ближняго стараются провести въ свѣтъ подъ видомъ благонамѣренной гласности, и многое другое, тому подобное, позволяютъ себѣ въ отношеніи къ другимъ люди — съ характеромъ и направленіемъ, чуждыми истинной, христіанской любви и благочестія. Эти люди не уважаютъ ни въ себѣ самихъ, ни въ другихъ образа Божія не потому уже, что не знаютъ его, но потому, что искажаютъ его въ себѣ. А отсюда что происходитъ? Нарушеніе мира, тишины и спокойствія въ обществахъ. *Откуда брани и свары въ васъ?* писалъ апостолъ Іаковъ къ христіанамъ изъ Іудеевъ, — *не отсюда-ли-отъ сластей — вождѣльнѣйшихъ воюющихъ въ удыхъ вашихъ?* (4, 1).

Возлюбленные о Христѣ братіе! Въ нынѣшнее благополучное и славное царствованіе Благочестивѣйшаго Государя, Императора Александра Николаевича, нашего по истинѣ сердобольнаго отца — Монарха, съ высоты Престола особенно много низшло на наше любезное отечество преобразованій и улучшеній по всѣмъ сторонамъ государственнаго управленія и народнаго быта, — они слѣдуютъ — одни за другими — почти непрерывно. Но правительственныя распоряженія относительно улучшеній разныхъ сторонъ государственной и общественной жизни тогда только будутъ вполнѣ плодотворны, когда будутъ исполняться всѣми и каждымъ вполнѣ добросовѣстно, сообразно ихъ цѣли, и когда само общество способно съ любовію принимать и съ усердіемъ, во всей точности, примѣнять ихъ къ своей жизни; когда прочно и благонадежно сла-

гается общественное мнѣніе, которое сочувствуетъ всему доброму, честному и истинно-полезному и не даетъ развиваться въ общественной средѣ злу и разнымъ злоупотребленіямъ. Но вѣдь общественное мнѣніе слагается изъ частныхъ мнѣній, направленныхъ къ одной извѣстной цѣли и по одному опредѣленному направленію. Значить для того, чтобы оно было мнѣніемъ здоровымъ и добрымъ, охранительнымъ въ дѣлѣ умственного и нравственно-религіознаго преуспѣянія народнаго, нужно, чтобы мнѣнія и убѣжденія частныхъ членовъ общества были таковыми же. Самыя лучшія преобразованія не принесутъ ожидаемой пользы, если лица, кои подлежатъ этимъ преобразованіемъ и улучшеніямъ, усваиваютъ ихъ себѣ только внѣшнимъ образомъ, не внося ихъ, такъ сказать, въ свою плоть и кровь, если, воспринимая новое и лучшее только въ силу необходимой обязанности, сами по себѣ остаются съ старою заваскою, не облекаются *въ новаго человека*, который обновляется въ познаніи, *по образу создавшаго его* (Кол. 3, 10), и сообразуясь вѣку сему, *не преобразуются обновленіемъ ума*, чтобы познать, *что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная* (Рим. 12, 2).

Такъ—какъ всякое государство вообще и наше благословенное—русское—въ частности составляетъ собою единый, цѣлостный и живой организмъ, то члены его, будучи вмѣстѣ и членами тѣла Христова—святой, православной Церкви, „составляемой и совокупляемой, по Апостолу, посредствомъ всякихъ взаимно-скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена“ (Еф. 4, 16),—эти члены должны находиться между собою въ самой тѣсной, внутренней связи, *держась любви* (1 Кор. 14, 1) *отъ чиста сердца, и совѣсти благія и откры не лицемерныя* (1 Тим. 1, 5) и стараясь *блжсти единеніе духа въ союзъ мира* (Еф. 4, 3). Да *небудеть же, братіе, распри въ тѣлеси* нашего русскаго царства, а пусть всѣ члены его „одинаково заботятся другъ о другѣ“ (1 Кор. 12, 25) и съ надлежащимъ усердіемъ и любовью пусть каждый служить, по своимъ силамъ, общему благу, въ томъ званіи, въ какое призванъ,—и тогда, и только тогда всѣ государственныя и общественныя улучшенія будутъ не внѣшними и формальными, а внутренними и дѣйствительными, плодотворными улучшеніями народной нашей жизни.

Итакъ будемъ, православные братіе, *братомлюбіемъ другъ ко другу любезни*: въ искренней почтительности другъ друга будемъ предупреждать (Рим. 12, 10). Но такая, истинно-христіанская любовь возможна будетъ для насъ только тогда, когда мы въ каждомъ ближнемъ нашемъ будемъ видѣть, такъ сказать, себя самихъ, и когда поэтому всѣ отношенія свои къ нему

станемъ приводить въ соотвѣтствіе тѣмъ желаніямъ и дѣйствіямъ, какихъ мы ожидаемъ и требуемъ себѣ отъ другихъ. *Вся, елика аще хотите да творятъ вамъ человецы, тако и вы творите имъ*, по закону справедливости. Точное и постоянное исполненіе этой евангельской заповѣди доставить намъ истинное счастье на землѣ и вѣчное блаженство на небѣ. Аминь.

А. А.

Исторія Пермской семинаріи до ея преобразованія, бывшаго въ 1818 году (*).

(Продолженіе).

Достоуважаемые наши дѣды и отцы, получившіе такъ называемое старинное—солидное образованіе, дѣлали весьма справедливое замѣчаніе касательно программы семинарскаго обученія: *non multa, sed multum* (въ немногомъ многое). Не вопреки ли этому правилу поступалъ преосвященный Лукинъ, расширяя кругъ предметовъ семинарскаго ученія? Посмотримъ же, какія были его желанія касательно объема каждой, назначенной имъ для семинаріи, науки,—чего онъ требовалъ отъ изучающихъ тотъ, или другой предметъ семинарскаго ученія. Изъ этого обзора мы увидимъ, что то вышеприведенное правило старинной мудрости отнюдь не было нарушено просвѣщеннымъ архипастыремъ, ибо онъ требовалъ не столько изученія многихъ предметовъ, сколько многихъ и основательныхъ свѣдѣній въ каждомъ изучаемомъ предметѣ.

Нельзя отрицать, что для того, кто готовится со временемъ быть пастыремъ Церкви, нужно обширное и разностороннее знакомство со всѣми богословскими науками. За неимѣніемъ возможности пріобрѣсти такія обширныя свѣдѣнія, во всякомъ случаѣ для него необходимо основательно знать истины той вѣры, которой будетъ учить другихъ, пріобрѣсть умѣнье научать своихъ пасомыхъ этимъ истинамъ, и наконецъ въ случаѣ встрѣчи возраженій со стороны послѣднихъ умѣть дать отвѣтъ *вопрошающему словесе*. И при этихъ, хотя не многихъ, но основательныхъ свѣдѣніяхъ онъ весьма можетъ быть добрымъ пастыремъ. Таковъ именно и былъ взглядъ просвѣщеннаго архипастыря на обученіе Богословію. За невозможностію дать воспитанникамъ своей семинаріи обширное богословское образованіе, онъ однакожь требовалъ,

(*). См. №№ 1, 2, 15, 16 и 17 Перм. Епарх. Вѣдом.

чтобы „истины вѣры имѣ толковали не по многу, но чтобы знали твердо,“ предписывалъ „толковать Богословіе преосвященнѣйшаго митрополита Платона студентамъ философіи и риторики ученикамъ по четыре часа въ субботу по утру со всякимъ тщаніемъ, и позволять ученикамъ, а наипаче студентамъ философіи предлагать сомнѣнія формальными силлогизмами, дабы чрезъ то истины богословскія крѣпче въ памяти вперялись, и дабы чрезъ сіе себя приготовляли къ опредѣленію по Государевымъ заводамъ, гдѣ должны будутъ толковать ученикамъ законъ Божій и таинства христіанской вѣры.“ „Представляемые же сомнѣнія студентовъ,“ прибавлялъ онъ, „съ рѣшеніемъ намъ представлять на разсмотрѣніе.“ Притомъ, если собственно классное преподаваніе богословской науки было и необширно, то, благодаря просвѣщенной заботливости архипастыря, и ученики и тѣмъ болѣе наставники могли его дополнять собственными своими занятіями, имѣя въ своей бібліотекѣ, собранной стараніями преосвященнаго же, большой выборъ богословскихъ сочиненій и отечественныхъ и иностранныхъ и почти всѣ замѣчательныя творенія отеческія ⁷⁾.

Что касается до проповѣдничества, то на этотъ предметъ преосвященный обращалъ особенное вниманіе. Онъ желалъ, чтобы ученики философіи говорили проповѣди во всѣ воскресные и праздничные дни и для этого лучшихъ изъ нихъ посвящалъ въ стихарь ⁽⁸⁾. Съ этою цѣлію онъ предписывалъ „отцу ректору занимать студентовъ упражненіями въ сочиненіи проповѣдей непрестанно, которыхъ расположенія прежде сочиненія намъ представлять.“ Съ этою же преимущественно цѣлію учрежденъ былъ и классъ высшаго краснорѣчія, которому онъ рекомендовалъ обучать такимъ образомъ, „дабы разбирать проповѣди преосвященнѣйшаго митрополита Платона по Ломоносовой риторикѣ.“ А чтобы еще больше возбудить въ семинаристахъ охоты къ сочиненію проповѣдей, резолюцію 1808 года преосвященный объщалъ „ревнителей проповѣдничества предпочесть предъ другими набедренниками и протопопскими достоинствами.“ И студенты философіи еще во время обученія въ семинаріи не только сочиняли, но и говорили проповѣди въ церквахъ; даже нѣкоторымъ лучшимъ изъ нихъ назначаемы были проповѣди на высокопраздничные и праздничные дни, произносимыя за архіерейскимъ служеніемъ.

Философія преподавалась ученикамъ въ объемъ довольно обширномъ—

(7) О бібліотекѣ будетъ сказано ниже.

(8) Даже отъ учениковъ риторики онъ требовалъ, чтобы они говорили проповѣди своего сочиненія.

такъ однако, что всѣ ея части служили необходимымъ подготовленіемъ съ одной стороны къ лучшему пониманію истинъ христіанской вѣры, съ другой — къ искусству преподавать эти истины другимъ; а классическія упражненія обучавшихся этой наукѣ, изоцряя умъ, давали навыкъ къ точному и основательному изложенію мыслей, чрезъ что конечно не мало способствовали и къ лучшему сочиненію проповѣдей. Въ кругъ философскихъ предметовъ входила метафизика съ своими частями: онтологіей, космологіей, психологіей и логикой, естественное богословіе, нравственная философія и исторія философіи. Преподаваніе производилось такъ, что кромѣ изъясненій учительскихъ сами ученики на протолкованныя имъ философскія положенія дѣлали такъ называемыя демонстраціи и занимались состязаніями, по предварительномъ приготовленіи — объекцій. Лекціи преподавались по системѣ Баумейстера на латинскомъ языкѣ.

Реторика и піитика, по мысли преосвященнаго, имѣли главнымъ образомъ практическую цѣль — научить учениковъ сочиненію въ прозѣ и стихахъ. Но методъ, которымъ достигалась эта цѣль, способствовалъ съ одной стороны усовершенствованію учениковъ въ латинскомъ языкѣ, съ другой помогать изученію наукъ вспомогательныхъ, напр. исторіи. Ибо реторическому искусству учились не только по реторикѣ Ломоносова, но и чрезъ чтеніе и разборъ Цицероновыхъ рѣчей и латинской исторіи Тита Ливія. Впрочемъ все-таки главная забота преосвященнаго была приучить учениковъ къ практикѣ и самый способъ преподаванія рекомендовался имъ преимущественно практической. Такъ относительно преподаванія реторики онъ писалъ въ резолюціи: „отецъ ректоръ имѣеть учителю реторики подтвердить, дабы онъ самъ при ученикахъ сочинялъ по-російски и по латынѣ съ показаніемъ реторическихъ источниковъ, изъ которыхъ почерпнется обиліе для распространенія каждаго періода. А иначе ученики не научатся и по напрасну погубятъ время.“ Въ другой разъ учителю же реторики онъ предписывалъ: „отцу протопопу Василию переводить съ учениками совокупно въ классѣ съ латинскаго на російскій рѣчи изъ Лежаевой реторики и при нихъ сочинять періоды и проч. и показывать, изъ какихъ источниковъ реторическихъ всякое логическое предложеніе всякаго періода разумножено, гдѣ метафора, гдѣ фигура и гдѣ острія рѣченія и проч.“ Учителю піитики преосвященный такъ рекомендовалъ обучать своихъ учениковъ: „префекту о. Гавріилу обучать піитической классъ, чего ради и долженъ протолковать все нужное къ стихотворенію изъ Ломоносовой реторики и довести учениковъ до того, чтобы знали мѣста реторическія, твердо умѣли сочинять періоды и имѣли ясное понятіе о хрияхъ и энтимемахъ. Сочиняемыя при ученикахъ хрии и періоды переводить въ тоже

время по латынѣ. Потомъ ввести ихъ въ сочиненіе стиховъ такимъ же образомъ. Ученикамъ задавать въ недѣлю одно упражненіе (тоже и въ реторикѣ), которое съ латинскимъ купно переводомъ должны подавать по субботамъ (9). “Чтобы захотить учениковъ прилежиѣ заниматься сочиненіями, лучшія сочиненія торжественно читались въ классѣ въ присутствіи ректора, а иногда и самаго преосвященнаго. Что касается до искусства піитическаго, то преосвященный съ особеннымъ удовольствіемъ поощрялъ ученическіе успѣхи въ ономъ. Такъ въ 1813 году студенты Матвѣевъ и Буровъ написали оды, которыя по приказанію преосвященнаго и были представлены ему семинарскимъ правленіемъ. По рассмотрѣніи одъ благосклонный цѣнитель—владыка снова препроводилъ ихъ въ семинарское правленіе для храненія въ примѣръ другимъ; „сочинителямъ же,“ писалъ онъ въ резолюціи по этому поводу, „позволяется сыскать въ книжныхъ лавкахъ хорошія и полезныя книги, цѣною отъ 3-хъ до 5 рублей, а именно Матвѣеву одну, а Бурову двѣ за двѣ оды, которыя (книги) намъ и представить къ подписанію.“ Въ 1815 году ученики Макарій Павловъ и Петръ Посохинъ на день тезоименитства архипастыря сочинили—первый оду, второй—гимнъ, которые и были представлены семинарскимъ правленіемъ преосвященному. И ода и гимнъ также удостоились благосклоннаго одобренія владыки, а сочинители—награжденія.

Въ трехъ грамматическихъ классахъ—вышемъ, среднемъ и низшемъ главнымъ предметомъ ученія былъ латинскій языкъ. Велькому извѣстно, какое важное значеніе этотъ языкъ имѣлъ въ старыя времена и какъ основательно знали его наши отцы и отцы нашихъ отцовъ. Иначе и нельзя было. Въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ все науки, а въ нѣкоторыхъ—большая часть преподавались на этомъ языкѣ. Пермская семинарія въ успѣхахъ по латынѣ едва ли отстала отъ прочихъ, ибо и въ ней нѣкоторыя науки, напр. философія Баумейтера, преподавались на латинскомъ языкѣ. Такъ надобно думать, въ особенности читая резолюціи преосвященнаго Іустина, въ которыхъ онъ заявлялъ свои требованія касательно успѣховъ въ этомъ языкѣ. „Всемъ учителямъ подтверждается,“ писалъ онъ въ одной изъ своихъ резолюцій на репортѣ семинарскаго правленія о ходѣ преподаванія, „дабы общими силами доводили учениковъ до того, чтобы начинали говорить по-латынѣ съ нижняго грамматическаго класса и въ немъ мало по малу успѣвали. Чего ради запретить имъ говорить по-русски безъ латинскаго языка. Ежели не начнутъ говорить худо, то трудно дожидаться, чтобы вдругъ заговорили хорошо.“ „Строго наблю-

(9) Піитика преподавалась по піитическимъ правиламъ Аполлоса.

дать, — подтверждалъ онъ въ другой разъ, — чтобы ученики нашаче высшихъ классовъ говорили между собою по-латинѣ, хотя и съ погрѣшностями, а тѣхъ, которые не будутъ говорить, наказывать, а совсѣмъ не могущіе по латинѣ говорить послѣ вакаці низвержены будутъ въ низшій классъ вмѣсто того, чтобы переведены были въ высшій, худые же успѣхи въ ученіи приписаны будутъ крайней лѣности, или неспособности учительской.“ Въ видахъ усиленія успѣховъ по латинскому языку преосвященный требовалъ, чтобы даже ученики информаторическаго класса знали до тысячи латинскихъ словъ, а ученики грамматики по крайней мѣрѣ до двухъ тысячъ.

Учредивъ классъ математики, которую, какъ кажется, преосвященный особенно любилъ, достойный архинастырь не хотѣлъ, чтобы ученики ограничивались только краткими и поверхностными свѣдѣніями въ этой наукѣ. Чтобы дать возможность изучать ее съ возможною полнотою и основательностію, для будущаго преподавателя математики Вишневскаго, онъ, какъ уже выше замѣчено, пригласилъ нарочитаго учителя Мензеховскаго, положивъ ему по 100 рублей въ годъ вознагражденія; а когда ученіе Вишневскаго было окончено и преосвященный остался имъ вполне доволенъ, то предписалъ семинарскому правленію: „математическихъ наукъ учителю Іоакиму Мензеховскому положенное ему жалованье выдать и въ знакъ благодарности поднести ему сверхъ того 50 рублей и попросить, дабы безъ отрицанія принять благоволилъ.“ И дѣйствительно ученикамъ, кромѣ ариметики, преподаваема была алгебра, геометрія, тригонометрія, механика и физика. Геометрія и физика преподаваемы были не только теоретически, но и практически, для чего преосвященнымъ выписано было немало математическихъ и физическихъ инструментовъ. А чтобы и учитель и ученики имѣли побужденіе заниматься этимъ предметомъ не поверхностно, не для того только, чтобы какъ нибудь сдать экзаменъ семинарскимъ наставникамъ, изъ которыхъ многіе, по тогдашнему времени, и сами были мало знакомы съ математическими науками, — преосвященный приказывалъ семинарскому правленію приглашать на математическіе экзамены постороннихъ, свѣдущихъ въ этомъ предметѣ, лицъ ⁽¹⁰⁾.

Судя по вышеозначенному, можно полагать, что и относительно другихъ предметовъ семинарскаго ученія, здѣсь не упомянутыхъ, преосвященный требовалъ такого же солиднаго и основательнаго изученія.

Чтобы лучше слѣдить за успѣхами учениковъ, преосвященный велѣлъ представлять себѣ каждомѣсячно репорты, въ которыхъ семинарское правле-

(10) Математика преподавалась по руководству Аничкова.

ніе обязано было объяснять, „что въ каждомъ классѣ протолковано, и знаютъ ли ученики протолкованное твердо, и сколько было въ латинскихъ начпаче классахъ упражненій, и сколько переводовъ и локуцій. „Вмѣстѣ съ этими репортами онъ приказывалъ представлять себѣ и самыя ученическія упражненія, пересмотрѣнныя и исправленныя учителями; кромѣ того перѣдко и самъ посѣщаль семинарію, входилъ въ классы и наблюдалъ не только за преподавателями, но даже и за учениками, всѣ ли напр. пришли въ классъ и проч. А чтобы семинарское правленіе и наставники могли должнымъ образомъ оцѣнивать успѣхи учениковъ, приказывалъ производить послѣднимъ экзамены по три раза въ годъ: предъ вакаціей, послѣ вакаціи и предъ Рождествомъ. Экзамены эти производились, по существовавшему тогда въ семинаріяхъ обычаю, учителями высшихъ классовъ низшимъ, такъ что наприм. учитель философіи экзаменовалъ учениковъ реторики, учитель реторики синтаксиковъ и т. д. На экзаменахъ преосвященный иногда самъ присутствовалъ, а иногда даже самъ назначалъ темы для экзаменическихъ сочиненій. Такъ въ дѣлахъ сохранились собственноручно имъ писанныя предложенія для ученическихъ сочиненій на одномъ изъ экзаменовъ 1809 года. Вотъ эти предложенія: „*Студентамъ философіи: мужъ двоудушенъ не устроенъ во всѣхъ путехъ своихъ*—дается на волю сочинить изъ сего или хрію, или энтимему, или философскимъ образомъ доказать съ риторическимъ краснорѣчіемъ. *Реторики и пиитики ученикамъ: не только друзей, но и враговъ любить должно.* Причина: любовь и враговъ премѣняетъ въ друзей. Подобіе: Ковчегъ, въ немъ левъ съ агнцемъ, орелъ и ястребъ съ голубицами и горлицами мирно жили. Примѣры—*Стефанъ первоученикъ: онъ просилъ Бога за убійць, дабы простилъ грѣхъ ихъ.* Дается также на волю—сочинить хрію, или энтимему,—но сочиненія намъ представить (11).“

(Продолженіе будетъ.)

(11) Время ученія продолжалось почти столько же, какъ и теперь. Учебный годъ начинался съ первыхъ чиселъ сентября. Въ послѣднюю недѣлю передъ Рождествомъ Христовымъ ученики освобождались отъ классовъ, говѣли, исповѣдывались и приобщались св. Таянъ, а жирише въ недалекомъ разстояніи отъ города увольнялись на эту недѣлю и на слѣдующіе за нею праздники Рождества Христова и Богоявленія въ дома родителей и родственниковъ. Свободны были также отъ ученія часть сырной недѣли, первая и послѣдняя недѣли великаго поста [въ которыя ученики говѣли] и недѣля св. Пасхи. Вакація начиналась съ послѣднихъ чиселъ іюня. Кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ, означенныхъ въ табели, дней, въ 1810 году, съ разрѣшенія преосвященнаго, положено было семинарскимъ правленіемъ быть свободными отъ ученія въ день св. Іоанна Богослова, св. Николая чудотворца, св. Стефана пермскаго, Іоанна Предтечи, 20 сентября, 24 ноября и въ день Покрова Пресвятыя Богородицы.

Тайнственный міръ.

(Очерки.)

II.

Парамонъ Никитичъ Татауровъ.

Вмѣстѣ съ Константиномъ Успенскимъ попалъ подъ арестъ Парамонъ Никитичъ Татауровъ — крестьянинъ деревни Бѣляковки, верхотурскаго уѣзда Мурзинскаго прихода. — Это молодой, крѣпкаго тѣлосложенія, худощавый мужикъ, съ едва показавшейся бородкой, брюнетъ. Вкрадчивый голосъ, степенная, медленная рѣчь, сдержанность движеній составляютъ рѣзкій контрастъ съ открытымъ характеромъ Успенскаго. Видно, что Татауровъ хорошо усвоилъ себѣ всѣ приемы (тактъ) раскольниковъ — пустынножителей. — Я, послѣ нѣсколькихъ бесѣдъ съ Успенскимъ, на послѣдокъ поговорилъ и съ Татауровымъ. (Жаль, что Парамонъ не успѣлъ мнѣ описать своихъ походовъ, а доставилъ одни только стихи. Но что запомнилъ изъ разговоровъ, я все записалъ). —

— Парамонъ Никитичъ, ты говоришь, что былъ православный отъ матернаго порожденія; какъ же сдѣлался кержакомъ, попалъ въ пустыню и очутился вотъ въ кандалахъ — на пути въ екатеринбургскій острогъ? Любопытнo узнать твою исторію. Расскажи пожалуйста откровенно все, что помнишь.

— Да припоминать мнѣ много нечего, отвѣчалъ Татауровъ. Я не такъ давно уклонился отъ дому и мнѣ все памятно. Видите, вся наша семья сначала была православная. За дальностью отъ церкви, а больше за лѣнностью, мы перестали ѣздить къ обѣднямъ въ церковь. Кругомъ насъ живутъ большею частію раскольники. Отецъ мой человѣкъ богатый тароватый. Вотъ раскольники и подладились къ нему да сбили уйти въ ихъ вѣру. Отецъ послушался да отступилъ отъ Церкви со всѣмъ семействомъ.

— Такъ не ужели тебѣ на столько опротивѣла св. Церковь, что ты, полюбивши расколъ, ради его отправился въ лѣса?

— Какое — опротивѣла Церковь, о которой я худо понималъ! Нѣтъ. Въ лѣса къ кержакамъ меня загнала домашняя невзгода. Мнѣ не хотѣлось жениться, а отецъ принуждалъ. Вдобавокъ къ моему горю онъ самъ, выбравъ мнѣ невѣсту не по сердцу и женивъ на ней. Правда, въ церкви я хотѣлъ сказать, что не желаю вѣнчаться, но побоялся отца, — меня овѣнчали. Приѣхали мы домой и стали жить съ женой, только не въ ладахъ. Къ тому же

приключилась другая бѣда. Отецъ сталъ ходить за чужбиной и часто бывалъ мою мать. Я, бывало, брошусь отнимать матушку, ну и мнѣ достанется отъ отца. Такая жизнь мнѣ надоѣла. Я сталъ думать, какъ бы мнѣ скрыться отъ дому и пожить себѣ на свободѣ. Деньги у меня были. Я сталъ спрашивать бывалыхъ кержаковъ: какъ—моль живутъ старцы по пустынямъ? Мнѣ нахвалили житье-бытье пустынное. Вотъ я и сталъ думать да навѣдываться, какъ бы пробраться мнѣ въ лѣса къ старцамъ.—

—Значить, ты задумалъ перебраться въ лѣса не ради старой вѣры, похваляемой кержаками, а ради свободы?

—Подлинно такъ. Что мнѣ старая вѣра! Надо было выбрать только свободное, неизвѣстное мѣстечко, куда бы укрыться отъ отца.—Разъ былъ и на подѣ съ работниками. Думаю себѣ: вотъ я бьюсь до поту, а изъ за чего? Жену не люблю, матушку бьетъ отецъ, да все несетъ изъ дому къ наложничѣ, а мнѣ ничего не даетъ. Думалъ я думалъ объ этомъ, и такая напала на меня тоска, что хотъ руки поднять на себя. Приѣзжаю съ поля домой. Отецъ бьетъ матушку; я сталъ отнимать; онъ за меня,—и побилъ крѣпко. Я сначала въ азартѣ самъ было думалъ пришибить отца, да, скрѣпя сердце, удержался и перенесъ побои.—Ночью напала на меня тоска невыносимая; а тутъ еще жена не любимая. Вотъ я, взявши съ собой по больше денегъ, благословясь, утромъ отправился будто въ поле, да лѣсомъ и пришелъ въ Тавалги. Пришелъ это я въ деревню, остановился у одной старухи, которая хорошо знаетъ путь въ лѣса... Разговорились мы съ ней. Я и сказалъ, что хочу уйти къ старцамъ въ пустыню, да не знаю дорогу и нѣтъ у меня провожатаго. Старуха послала меня въ Невьянскъ къ прасолу (имени его я не скажу), который отъ своего богатства много удѣляетъ пустынникамъ. Прихожу къ прасолу, рассказываю о себѣ. Онъ ласково принялъ меня и отдалъ о. Натолею, чтобы увести въ пустыню. Вотъ и пошли мы съ о. Натолеемъ.—Пошли мы по Сулемской дорогѣ. На встрѣчу намъ попались наши мужики, которые дрова рубили для Невьянскаго завода. Они меня узнали. Я заказалъ имъ: скажите отцу, матери, пусть обо мнѣ не заботятся. Я иду въ пустыню на богомолье. И пошли мы подѣ „веселыя горы“ на могилу о. Павла. Тамъ нашли мы другаго старца который на могилѣ канунъ говорилъ, а прихожіе старообрядцы изъ Невьянска молились. Хотъ къ этой могилѣ и поставленъ изъ Верхнева Тагила караулъ не допускать къ могилѣ молиться, но мзда слѣпить очи! И преспокойно ходятъ туда да молятся старообрядцы. Мѣста тамъ веселыя, горы высокія, покрыты снѣгомъ, который и лѣтомъ не таетъ; малыны много; скитниковъ живетъ кругомъ вдоволь. И откуда этотъ народъ,

Богъ одинъ знаетъ! Вотъ помолились и мы на могилѣ. Настала ночь, мы легли спать. И увидѣлъ я ночью непотребныя дѣла... Не поглянулось мнѣ это и я сталъ ужъ раздумывать: не воротиться ли назадъ.

—Такъ что же удержало тебя въ пустынь?

—А вотъ что. Утромъ я рассказываю о. Натолѣю все, что видѣлъ ночью. Онъ и говоритъ мнѣ: смотри, это дьявольское навожденіе. Ты не вѣрь глазамъ своимъ, а вѣрь ушамъ. Вскорѣ другой старецъ (имени не помню) сотворивши молитву на могилѣ, сѣлъ и преувѣнно запѣлъ:

„Тебя ради Господи оставляю свою сторону;

Тебя ради Господи покидаю свою сторону;

Тебя ради Господи оставляю свою волюшку;

Тебя ради Господи я оставляю отца—мать свою;

Тебя ради Господи я оставляю сестеръ и братію;

Тебя ради Господи я оставляю жену и чадъ своихъ;

Тебя ради Господи я скитаюсь по чужимъ странамъ;

Тебя ради Господи я шатаюсь по темнымъ лѣсамъ;

Тебя ради Господи я терплю вся находящая;

Тебя ради Господи я терплю вся напраслины“.

Этотъ стихъ такъ и задѣлъ меня за сердце. Думаю, да почто воротаться домой,—нѣтъ дай—пойду лучше дальше.—Вотъ я и сталъ просить старца: нельзя ли увезти меня дальше отъ дому. Старецъ самъ остался у веселыхъ горъ, а мнѣ указалъ тропинку на Утку-пристань, что на Чусовой. Онъ сказалъ мнѣ: какъ ты придешь въ деревню, то найди такого-то имрекъ христороубца. Скажи, что тебя послалъ старецъ о. Натолей и все будетъ сдѣлано. Я по сказанному, какъ по писанному, добрался до Утки. Вхожу въ деревню съ краю. Смотрю, два мужика дрова рѣжутъ. Богъ на помочь, говорю, добрые люди! Добро пожаловать, мнѣ отвѣчаютъ. А не знаете ли говорю такого-то человѣка? Мнѣ бы надо съ нимъ увидѣться. Меня послалъ къ нему о. Натолей. Какъ только я сказалъ это, гляжу, мужики сняли шапки и говорятъ: милости просимъ. Я и есть самой, а это мой братъ. Пойдемъ въ избу.—Пришли, я все рассказалъ имъ. И давай меня угощать всякой всячиной. Истопили для меня баню. Тутъ раньше меня былъ другой старецъ, который собирался идти за Чусовую. Вотъ съ этимъ-то старцомъ мы и отправились въ путь—дорогу. Побывали на верховьяхъ Чусовой.—Тамъ недалеко отъ Кушвы есть деревня Кедровка выше Серебрянскаго завода. Кругомъ страшительныя лѣса. Въ деревнѣ есть богатый мужикъ Исаковичъ. Онъ много помогаетъ монастырю, который недалеко отъ Кедровки—всего въ верстахъ

въ 4. Тутъ то живутъ старцы со всѣхъ сторонъ. Есть много Невьянскихъ, Быньговскихъ, Тавалогскихъ, Кунгурскихъ и другихъ. Иной давно считается въ бѣгахъ или просто пропавшимъ, а онъ живехонекъ, живетъ въ этомъ монастырѣ. Тутъ, я видѣлъ, живетъ и М. Г—евъ Тавалогскій, котораго давно считаютъ мертвымъ. — Подаянія имъ идутъ со всѣхъ сторонъ, а мѣсто глухое, жить привольно, только лѣтомъ много оводу.

— Ну, что же ты и остался тутъ?

— Пожилъ нѣсколько времени, да пошолъ дальше. Ушелъ я въ кунгурскій уѣздъ въ деревню Тепляки. Вотъ ужъ тутъ-то я пожилъ. Старцовъ много, жить привольно, подаянія со всѣхъ сторонъ.

— Что же и не скучно было тебѣ тамъ?

— Нѣтъ. Я совсѣмъ привыкъ къ ихнему житью. Станешь утромъ, молитва пойдетъ общая до обѣда. Послѣ обѣда отдыхать до вечеренъ, — послѣ вечеренъ ужна и спать. Какъ не жить въ такомъ раю. Лѣтомъ бывало выйдешь изъ кельи на чистой воздухъ въ чистое поле. Монастырь отъ Тепляковъ близехонько. Всѣ въ деревнѣ други да пріятели, живутъ по старой вѣрѣ и крѣпко хранятъ насъ. Ну, выйдешь въ деревню, или въ поле. Сердце такъ и радуется. Вотъ бывало и запоешь велимъ гласомъ:

„Потопъ страшень умножался,

Народъ виде испужался;

Гнѣвъ идетъ, гнѣвъ идетъ.

Видя воды многи — люты,

Побѣжали въ горы круты —

Тамъ спаслись, тамъ спаслись.

Дебри водой наполнялись,

Всѣ животны выбирались

На верхъ горъ, на верхъ горъ.

Кои плавали водами,

Тѣхъ покрыло всѣхъ волнами

Водой той, водой той.

Покаль потопъ продолжался

Ной въ ковчегѣ все спасался...

(Дальше не помню).

А какъ, бывало, пропоешь этотъ стихъ, такъ сердце ровно растопится: радость неизреченная!

— Что же, приходили къ вамъ въ монастырь на богомолье изъ какихъ нибудь отдаленныхъ мѣстъ?

— Да откуда только не приходили къ намъ кержаки! Ровно нѣтъ и мѣста такова, чтобы не знали о Теплякахъ. Придутъ за всюнощну, принесутъ всего съ собой. При мнѣ много разъ бывали даже изъ Москвы. Вотъ бывальцы-то! Все расскажутъ, что тамъ дѣлается, какія есть распоряженія о старообрядцахъ, какъ надо вести дѣла съ начальствомъ, гдѣ, въ какомъ мѣстѣ, живутъ христіане, — все про все тебѣ расскажутъ москвичи. — Ну, а коли придутъ простые кержаки да богатые, [то наши старцы уже сами имъ рассказываютъ о житіи по древнему благочестію. — Послѣ службы попотчуютъ приходящихъ и кто нибудь имъ споетъ вотъ этотъ на примѣръ стихъ:

„Прошу выслушать мой словъ,
Кой въ печали сложить могъ.

Во темныхъ лѣсахъ я по ревности постригся,
Жизни слезной приобщився.

Чтобы міръ во всемъ забыть,

Отъ усердья своего

Пожелалъ имѣть того,

Чего не ожидалъ.

Не сравнилось двадцать лѣтъ,

Не успѣлъ я видѣть свѣтъ, —

Себя удалилъ.

Искра ревности явилась,

И со всеми мы простились —

Съ друзьями своими.

Вы простите стары, млады,

И знакомые — родные,

Лишаюсь я всѣхъ васъ.

Жить подвижно начинаю,

И совсѣмъ того не знаю,

Что подвигъ сей великъ.

Черну рясу надѣваю,

Главу куклемъ покрываю,

Очи долу извожу.

А хто мнихомъ не бывалъ,

Тотъ и нужды не видалъ,

Живучи въ міру.

Мнишеска ограда:

Хлѣбъ, вода—и вся награда,
Живи да не тужи.
Пирожга кусоѣ дадутъ,
То подумаешь и тутъ:
Когда его и ѣтъ.
Разъ въ недѣлю испекутъ,
По кусочку раздадутъ,
Какъ будто просвиры.
Вмѣсто водки, сладкихъ винъ,
Поставляютъ квасъ единъ,
И то за гостя чтутъ.
По обѣдѣ всѣ по кельямъ,—
И какъ будто отъ бездѣлья
Правило дадутъ.
Не успеешь отдохнуть,
Опять въ церковь позовутъ
Къ вечерней мольбѣ.
И какъ съ горя и досады,
Поискать пойдешь отрады
Въ деревню за лѣсоѣ.....

Такой стихъ поется послѣ обѣда, больше навеселѣ.

—Какъ же вы жили въ Теплякахъ, за вѣдомо отъ начальства, хотя востного, или нѣтъ?—

—А всяко. Были бы деньги, а начальство ничего. Разъ случилась было съ нами бѣда ненапугтеу. Кто-то, не то по насердкѣ, или ужъ такъ проболтался объ насъ, только становой пронюхалъ про нашъ монастырь. Собралъ онъ конвой понятыхъ и совѣмъ хотѣлъ накрыть насъ. Мы ничего не знали. Но становому самому не удалось прѣѣхать къ намъ, онъ послалъ вмѣсто себя писаря съ понятыми. Дѣло было зимой. Вдругъ насъ накрыли. Бѣжать было некуда, попались всѣ. Писарь приказалъ вязать насъ и забирать съ собою все, чтобы везти въ становую. Было это ужъ поздно вечеромъ, а поднялась страшная мятелица. Нечего было дѣлать, пришлось писарю съ понятыми ночевать. Старцы принесли вина, угостили всѣхъ и попросили только одной милости: дать намъ свободу отслужить всенощну. Писарь и говорить: ну, такъ и быть—служите. Вотъ наши старцы наставили больше свѣчь предъ иконами, зажгли ихъ, устроились совѣмъ и стали служить всенощну. Писарь съ понятыми сначала—ничего, лежали только, смотрѣли на насъ да

слушали. А какъ стали говорить акаѣистъ Богородицѣ, писарь и понятые стали со своихъ мѣстъ и давай туда же молиться. Отъ нашей службы они такъ умилились, что послѣ всенощны писарь сказалъ старцамъ: что и дѣлать съ вами—не знаю: жаль, вѣдь всѣхъ васъ засадить въ острогъ.—Старцы снова угостили писаря и понятыхъ. Потомъ всѣмъ соборомъ умильно мы зафѣли стихъ.

—А ты помнишь этотъ стихъ?

—Какъ не помнить. Этотъ стихъ поется шибко хорошо.

„Сó страхомъ, братіе, мы послушаемъ

Божія писанія Господнихъ страстей.

Пророки пророчили за тысячу лѣтъ,

Другіе сказали за триста годовъ.

Во пятой во тысяцѣ въ пятиста годовъ

Роженіе—мученіе Іеуса Христа.

Плакала, ходила Святая Дѣва; при ней

Били три мироносицы жены.

Въ -стрѣчу грядуть имъ два жиды.

Восплакала, ихъ спросила Святая Дѣва:

Гдѣ вы жиды жили и куда грядете?

Жили мы были во городѣ Еросолимѣ;

Были и мучили Іеуса Христа.

Едва бысть жива, ударилась о землю,

И бысть безъ памяти.

И жены были при Ней, соблюли Ее.

Во шестомъ часу, въ пятницу

Распяли Его; въ руки, въ ноги, во длани

Прибивши гвоздьми, вѣнецъ наложили на главу Его.

Вотъ какъ профѣли мы этотъ стихъ, у писаря и понятыхъ слезы прошибло, даромъ что они были выпивши. А старцы не сробѣли и дали писарю добрую подачку. Между тѣмъ стало свѣтать. Писарь посовѣтовался съ понятыми да и вырѣшилъ: ступайте скорѣе старцы отсюда, кто куда можетъ; берите книги и иконы. Я скажу, что не засталъ васъ. Уйдите дальше, а то неровно самъ становой вздумаетъ провѣрить мои слова. Уфѣхали понятые; а мы, давай Богъ ноги, кто куда знаетъ, и разошлись.—Я захотѣлъ чрезъ 4 года провѣдать родителей и пошолъ домой въ Вѣляковку. Вотъ такъ и пришелъ домой. Отецъ принялъ меня ласково. Только голова волостной и пи-

сарь потребовали меня въ волость и хотѣли засадить подь арестъ, а потомъ предать суду. Отець позвалъ къ себѣ въ гости голову съ писаремъ. Я пригласилъ ихъ въ нежилую избу, налилъ стаканъ водки, покрылъ его трехдѣлковой, подалъ головѣ. Голова принялъ, я ему въ ноги, и говорю: не погуби! Голова выпилъ, утерся, а бумажку положилъ въ карманъ. Я также подалъ стаканъ и писарю, и тотъ выпилъ. И сказали они мнѣ: ну, Парамонъ, Богъ простить!.. Вѣдь ты, въ свою отлучку, ничего худова не сдѣлалъ, за податями остановки не было, жалобъ нѣту на тебя, оставайся же теперь дома и живи. Вотъ я пожилъ дома, да и ушелъ.—Только теперь ужъ сами видите, я въ кандалахъ, да и острогомъ стращаютъ.

—Ну, мнѣ бы хотѣлось знать все похождение твое во вторую отлучку и то, гдѣ ты сошелся съ Константиномъ?

—А съ Константиномъ я сошелся въ Черноисточинскомъ скитѣ.—Если мы еще долго просидимъ въ Быньгахъ подь арестомъ, то я опишу вамъ все мое похождение, все продѣлки раскольниковъ, укажу, кто изъ здѣшнихъ живетъ въ какомъ скиту, какъ совращаютъ въ расколъ православныхъ, кто изъ Невьянскихъ богачей много жертвуетъ на скитниковъ, словомъ все, что знаю. Опишу все и докажу на дѣлѣ.

А теперь скажу тоже, что говорилъ и Константинъ: много вредитъ Церкви Егорко Г—ногъ (Вор—нъ), давно бы надо его убраться отсюда....

Но не сбылись обѣщанія Парамона: его и Константина на другой день отправили въ Екатеринбургъ въ станovou квартиру, откуда они скоро бѣжали и снова очутились на Быньговской почвѣ уже въ сотовариществѣ съ новыми бѣглецами. Вскорѣ всѣхъ 4 молодцовъ словили и безъ замедленія отправили въ г. Екатеринбургъ. Незнаю, доставятъ ли они мнѣ обѣщанное описаніе тѣхъ дѣяній, кои совершаются въ таинственномъ мѣрѣ пустынножителей раскольническихъ.—Впрочемъ и изъ тѣхъ рассказовъ Успенскаго и Татаурова, которые я передаю теперь, видно, что мнимые пустынножители раскольническіе, наполняющіе уральскіе лѣса, имѣютъ живую, почти органическую, связь съ обитателями заводовъ, селъ и деревень.—Отдаленность Урала, глубь дремучихъ лѣсовъ не мѣшаютъ здѣшнимъ пустынножителямъ вѣдать и то, что дѣлается въ Москвѣ..... И какъ услѣдить за этими таинственными проводниками раскольнической пропаганды, какъ предотвратить зло, причиняемое ими православнымъ? Только дѣятельность полиціи можетъ очистить лѣса отъ праздныхъ, вредныхъ, незаконныхъ ихъ обитателей. Да и тутъ надо подумать.—Татауровъ сказывалъ, что отъ Невьянска до Кунгура можно пройти пѣшему въ двое сутокъ съ небольшимъ: путь, значить, кратчайшій! А на перемѣнныхъ вамъ придетъ

ся по тракту катиться это же разстояніе не меньше двухъ сутокъ. И выходитъ, что пустынники уральскіе отлично знаютъ географію пермской (даже вологодской, вятской и оренбургской) губерніи, знаютъ и ловко прилагаютъ свои знанія къ практикѣ....

Правду говоритъ Успенскій, что не много сдѣлаютъ труды мисси надъ излеченіемъ уклонившихся въ расколъ изъ православія.—И какъ вылечить трупъ, въ которомъ изсыкла живая струя церковности, который издаетъ уже мазмы раскольническихъ заблужденій, который пропитанъ ядомъ непримиримой вражды противъ истины и св. Церкви православной!

Здѣ мудрость!

Примѣчаніе. Успенскій и Татауровъ, препровожденные изъ Бынговскаго завода въ станovou кватиру въ Верхъ-Исетскій заводъ, были засажены подъ арестъ при тамошнемъ волостномъ правленіи. Но вскорѣ они бѣжали оттуда вмѣстѣ съ другими арестантами. Стопы свои они прямо направили въ скитъ къ Невьянскому старцу о. Свмеону Шумилову, келья котораго находится въ полевой избушкѣ, между деревнями Кунарой и Оедьковкой (Невьянскаго прихода). Съ Шумиловымъ жили еще 3 старика изъ раскольниковъ. Полагая, что у этихъ стариковъ есть деньги, странствующие рыцари подвергли стариковъ побоямъ, вымогая деньги. Но, не смотря на всѣ истязанія стариковъ, денегъ у нихъ не оказалось.—Тогда рыцари забрали у скитниковъ книги и иконы и отправились съ ними въ окрестности Бынговскаго завода, гдѣ вскорѣ пойманы и отправлены въ острогъ, въ которомъ обрѣтаются и по настоящее время. Вотъ плоды воспитанія пустынножителей—раскольниковъ!

С. Н. В.—нѣ.

Избраніе священнослужителей въ 1-мъ округѣ соликамскаго уѣзда для присутствованія въ Соликамскомъ училищномъ съѣздѣ.

Дѣйствіе вновь утвержденнаго Высочайшею властію устава духовныхъ училищъ распространено наконецъ и на наше Соликамское духовное училище, существующее съ основанія своего слишкомъ 29 лѣтъ. По силѣ сего устава и вслѣдствіе распоряженія епархіальнаго начальства, 13 числа сего августа, было приступлено къ избранію священнослужителя для присутствованія въ училищномъ съѣздѣ изъ 1-го участка соликамскаго округа. Духовенство этого участка, въ числѣ 30 человекъ, въ 5-ть часовъ вечера означеннаго

числа собралось въ соликамскій Свято-Троицкій соборъ, чтобы съ молитвою положить начало новому дѣлу и съ Божіею помощію совершить его. Предъ молебствіемъ однимъ изъ священнослужителей произнесено:

„Возлюбенныя о Христѣ собратія! По волѣ попечительнаго начальства, мы собрались сюда—въ сей св. храмъ, чтобы съ молитвою о Вышней помощи положить начало нашему участию въ дѣлѣ училищнаго воспитанія и образованія дѣтей нашихъ, къ каковому участию отнынѣ призвано все Русское православное духовенство.

„Воспитаніе и образованіе духовнаго юношества всегда составляло и должно составлять предметъ особенной заботливости и попеченія родителей. Въ самомъ дѣлѣ, кто ближе къ дѣтямъ, какъ не ихъ родители? Кто съ самымъ теплымъ участіемъ и со всею полнотою любви долженъ отнестись къ дѣлу воспитанія и образованія дѣтей, какъ не сами родители? *Аще кто о своихъ, паче же о присныхъ о своихъ родныхъ, не печется*, тотъ, по Апостолу, *отры отвергся естъ и невернаго горійи естъ (1 Тим. 5, 8). Отцы, воспитывайте чады своихъ въ наказаніи и ученіи Господни (Ефес. 6, 4).* Обязанность добраго воспитанія и истинно-христіанскаго образованія дѣтей съ особенною отвѣтственностію лежитъ на насъ-родителяхъ духовнаго званія. Дѣти наши уже по своему происхожденію должны быть не только добрыми гражданами нашей родной, благословенной страны; но паче всего—вѣрными сынами, усердными и благонадежными служителями православной Церкви Божіей. Какъ же они выполнять это высокое свое призваніе, если не получаютъ добраго воспитанія; если они сами не будутъ тверды въ правилахъ православной вѣры и истинно-христіанской жизни; если не будутъ на столько образованы, чтобы и самимъ вполне понимать свое высокое назначеніе и другихъ научать, какъ православно вѣровать и какъ благочестиво жить?

„Духовное правительство, имѣя въ виду высокое назначеніе воспитывающагося въ духовныхъ заведеніяхъ юношества, при составленіи новаго устава духовныхъ училищъ, дало симъ училищамъ направленіе учебно-воспитательное (Уст. д. учил.). А чтобы духовныя училища, эти первоначальные расадники духовнаго просвѣщенія, успѣшнѣе и вѣрнѣе достигали своей цѣли, правительство ввѣрило каждое училище, подъ вѣдѣніемъ архипастырскимъ, ближайшему попеченію мѣстнаго духовенства (Уст. д. учил. 3).

„Съ сего времени мы, братія, должны всеми зависящими отъ насъ средствами способствовать благоустройству состоящаго въ округѣ нашемъ духовнаго училища, ввѣреннаго попеченію нашему. Нынѣ мы должны избрать

изъ своего участка священнослужителя для присутствованія въ училищномъ съѣздѣ. Съѣздъ этотъ однажды или дважды въ годъ будетъ имѣть разсужденіе по дѣламъ училища.

„Выполнимъ же это избраніе добросовѣстно; изберемъ изъ среды себя для присутствованія въ съѣздѣ священника способнато, внимательнаго и попечительнаго. Этому требуютъ довѣріе къ намъ попечительнаго правительства, наша честь, собственное наше благо и благо нашихъ дѣтей“.

За тѣмъ протоіереемъ соликамскаго собора соборнѣ совершенно благодарственное Господу Богу молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Его Императорскому Величеству и Царствующему Дому, святѣйшему правительствующему Синоду и Его Высокопреосвященству Неофиту, архіепископу Пермскому и Верхотурскому. По отправленіи молебствія приступлено къ назначенному выбору. Изъ четырехъ кандидатовъ, предложенныхъ избранію, общимъ голосомъ избранъ третій—верхъ - уольской Покровской церкви священникъ Семень Калачниковъ. Составленный по сему случаю актъ въ тоже время подписанъ всѣмъ присутствовавшимъ духовенствомъ.

Такимъ же порядкомъ происходило это избраніе и во второмъ и въ третьемъ участкахъ соликамскаго благочинія. 18 числа сего же августа духовенство втораго участка для сего выбора имѣло собраніе въ уольскомъ Спасо-Преображенскомъ соборѣ, гдѣ по совершеніи благодарственнаго Господу Богу молебствія изъ четырехъ кандидатовъ большинствомъ голосовъ избранъ священникъ пыскорской Спасо-Преображенской церкви Андрей Поповъ. 20 августа происходилъ таковой же выборъ въ третьемъ участкѣ соликамскаго благочинія. Духовенство сего участка собралось въ Николаевской церкви Нижне-Яйвинскаго села, и здѣсь по совершеніи молебствія изъ трехъ предложенныхъ избранію кандидатовъ избрало для присутствованія въ училищномъ съѣздѣ священника кизеловской церкви Михаила Варушкина. Акты по тому и другому избранію духовенствомъ подписаны.

Благочинный, протоіерей Петръ Киселевъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

На привѣтственную телеграмму (*) Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Неофита, Архіепископа Пермскаго и Верхотурскаго, Высокопреосвященный Филаретъ, митрополитъ московскій отвѣтилъ слѣдующимъ письмомъ:

Прессощеннѣйшій Владыко,

Досточтимый о Господь Братъ!

Сверхъ моего чаянія, Божією милостію даровано мнѣ пройти пятидесятилѣтнее поприще служенія въ епископствѣ; и выше моего чаянія то вниманіе, которое обратили на предѣль сего поприща досточтимые Отцы и Братія, общники священноначальственнаго и священнаго служенія Престолу Господню.

Съ утѣшеніемъ вижу въ семь дѣйствующій духъ общенія, единенія, любви, столь вождельный въ словесіи, которое Господь опредѣлилъ Себѣ въ особенный жребій.

Преосвященнѣйшій,

Примите за Ваше благое и благожелательное о мнѣ воспоминаніе искреннюю благодарность мою вмѣстѣ съ моимъ истиннымъ въ любви о Господѣ почтеніемъ.

Вашего Высокопреосвященства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

(*) См. № 15 П. Е. В. отд. офф. стр. 203.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи,
Архимандритъ *Александръ.*

Дозволено цензурою. Пермь. 30 августа 1867 г.

Печатано въ типографіи Поповой.